

© 2008 г.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ НА КОНФЕРЕНЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ В ГЛАЗГО

РОСЛЯКОВ Александр Борисович - кандидат социологических наук, ст. преподаватель кафедры РГГУ

Работа на секции по социологии культуры восьмой конференции Европейской социологической ассоциации в Глазго (3-6 сентября 2007 г.) показала высокое качество большинства выступлений. Во многом это обеспечивала теоретико-методологическая актуальность аналитического аппарата представленных работ, проработанность и глубина эмпирического материала, придавая основательность и новизну теоретическим выводам и обобщениям. Участники отметили, что внимание социологов к культуре повышается.¹

Выступления были разделены по тематическим блокам: "Постхристианская религия и духовность в Европе", "Качественные и количественные исследования в социологии культуры", "Культурное единство и различия в Европе", "Культура и эстетические практики", "Теория культуры между прошлым и будущим", "Новая политическая культура в Европе". Наиболее обсуждаемыми стали выступления по новым формам религии и духовности, количественным и качественным исследованиям, анализу эстетических и вкусовых предпочтений. Сразу замечу, что термины "постмодерн", "общество постмодерна" практически не использовались, употреблялся термин "общество позднего модерна" или его аналоги.

Среди проблем, к которым обращались выступавшие, были, во-первых, динамика духовной жизни в современных обществах западного типа и, в частности, феноменология современной религиозности. Большинство выступавших разделяло мнение С. Ауперса и Д. Хутмана (S. Aupers, D. Houtman, Нидерланды) о том, что основой религиозности выступает собственно личность, "Я" как высшая духовная сущность ("higher spiritual self"). Несмотря

на то, что сакрализация "Я" черпает основания в индивидуализации и рационализации, она осуществляется в направлении, противоположном их классическому веберовскому пониманию.² Если для М. Вебера, Э. Дюркгейма и др. эти процессы обуславливали расколдовывание мира и шли рука об руку с секуляризацией, в новой интерпретации они повышают значение сакральных факторов в сознании. В результате формируется новый тип социальности, базирующийся на экспериментальных формах обожествленного "Я". Для сознания и его репрезентаций, соответствующих этому типу социальности, свойственны чувственность, рефлексивность, мифологизированность. Тезис о проницаемости границ между религиозными и нерелигиозными сферами опыта и верованиями, в частности, в таких вопросах как отношение к жизни, этические убеждения и социальные различия был одним из основных в докладе А.-С. Ламинэ (Anne-Sophie Lamine, Франция).

Во-вторых, частичной критике подвергалась концепция Т. Лукмана о религии позднего модерна, многообразии религиозных форм и распространенности "бриколажа", одного из основных в производстве значений и смыслов современного мышления. Несмотря на то, что духовная жизнь современных западных обществ чрезвычайно пестра, выступавшие демонстрировали на основе разнообразного эмпирического материала ее зависимость от общих оснований, новых глобальных форм религиозной и культурной жизни. К примеру, И. Нумен (I. Noomen, Нидерланды) сосредоточила внимание на общей для неоязыческого и христианского дискурсов в интернете ценности индивидуальной свободы. Многие участники были согласны, что в духовной жизни универсализующим началом выступает чувственная этика, включая понимание "другого", в первую очередь, как носителя репертуара эмоций и чувств.

В-третьих, роль культурных сред в формировании новых форм социальности признана крайне высокой. Было высказано предположение, что социальные структуры, соответствующие этим новым средам, кажутся аморфными лишь на первый взгляд. К примеру, И. Кауфман (I. Kauffmann, Франция) пришла к выводу о том, что культура хип-хопа давно выступает инструментом политики во Франции, а в нем самом существует оппозиция между хип-хопом как "развлечением" и "основным средством самовыражения", имеющая глубокие социальные корни. Отчасти эти выводы подтверждались

данными других докладов о динамике вкусовых и эстетических предпочтений, а также результатами исследований европейской идентичности. М. Регев (M. Regev, Израиль) обосновал взгляд на распространение популярной рок-музыки, близкий выводам постмодернистских теоретиков культуры. По мнению докладчика, в случае популярного рока можно говорить о новой постсоциальной среде, в основе которой – отношения не между людьми, а между людьми и - компьютеры, программное обеспечение, плееры с большим объемом памяти и т.п.

В выступлении О. Скарпенес (O. Skarpenes, Норвегия) о связи между образованием и классом, с одной стороны, и культурной средой, с другой, сделан вывод, что ни образование, ни классовая принадлежность не могут выступить фундаментом формирования идентичности среднего класса в Норвегии, поскольку он является носителем укорененных ценностей эгалитарной культуры; эти факторы играют очень большую роль в процессе формирования чувства классовой солидарности и самого класса: однако в норвежском обществе, как и во многих других, в социологических исследованиях они перестают "работать". Этот вывод близок интерпретации классов и их структуры британскими коллегами, в основе которой лежала концепция "классовой культуры", основанная на культивируемых самими участниками взаимодействия социальных различиях.

Общими были теоретические подходы, хотя каждый из участников стремился формулировать новизну своей работы. Лидером по упоминаемости был П. Бурдьё. Это продиктовано смещением эмпирических исследований по социологии культуры в область типов субъективных форм социальности, в которой П. Бурдьё вывел ряд продуктивных теоретических идей.

На секции специальная сессия по изучению вкусовых и эстетических предпочтений не вместила желающих высказаться. Ярким и последовательным примером рецепции теоретического подхода П. Бурдьё стал доклад Д. Вандерброка (D. Vandebroek, Бельгия) о предпочтениях социальных групп в живописи, разделенных автором по уровню образования и специфике культурного потребления.

На втором месте с небольшим отрывом были публикации Г. Шульце: упоминание их порождало атмосферу духовной близости, а также работы П. Ди Маджио. Несмотря на то, что понимание процессов, разворачивающихся в

культуре, было основано на веберовской парадигме, общее впечатление от докладов на секции можно назвать скорее поствеберовским, поскольку постоянно присутствовала критика традиционной интерпретации связи культуры и общества. Отправной точкой критики являлось наблюдение взаимосвязанной эволюции сознания и социальных структур. Упомянувшийся С. Ауперс считает неприменимой в современности мысль М. Вебера о расколдовывании мира. Он выдвинул тезис, что цифровые технологии становятся объектом страха, притягательности и благоговейного трепета; модернизация не отменяет религию, а интегрирует сакральное с "Я", личность с технологией, порождая "собственное волшебство".

К.М. Бовбьерг (Kristen M. Bovbjerg, Дания) отмечал, что в современных исследованиях мотивов поведения людей недооценена роль духовных и религиозных практик. В качестве примера он привел сверхрационализированную среду – бизнес. Здесь фиксируется высокий интерес работодателей не к собственно профессиональным качествам, а к параметрам, например, самовосприятия и самоощущения, глубоко личным особенностям работника. Докладчик задается вопросом – почему разнообразные духовные практики, в том числе и неоязыческие, как, например, движение Новый век ("New Age") востребованы в бизнесе?

Повторю, ряд выдвинутых в ходе работы секции утверждений интересен, и на них стоит обратить внимание, как и на звучавшие выводы, например, в докладах, специальной задачей которых были теоретические обобщения и анализ обширных массивов эмпирического материала. М. Каэн совместно с Дж. Ливенсом (M. Caen, J. Lievens, Бельгия) показали, что при изучении активного потребления визуального искусства одинаковое внимание следует уделять не только активному выбору продуктов специализированной культуры, но и предшествующим ему мотивам и установкам, эстетическим ожиданиям. Подчас это не только может обогатить знание о предмете, но кардинальным образом его изменить. Т. Кац-Герро (T. Katz-Gerro, Израиль) на примере культурной политики в США и Великобритании продемонстрировала, что в этих странах она частично основана на эстетических предпочтениях, сформированных современным визуальным искусством, в том числе живописью, фотографией, а также отношением к этим видам творчества.

Интересным было выступление Дж. Ливенса по материалам масштабного эмпирического исследования культурного потребления в Бельгии. В нем он заострил внимание на том, что оппозиция между частными и публичными практиками культурного потребления может быть крайне плодотворной в исследовании эстетических предпочтений. Вывод: уровень образования играет очень большую роль в рамках публичных эстетических практик, но гораздо менее значительную – в ходе частных. Важно, что этим и другими авторами в ходе массовых опросов использовалось большое количество открытых вопросов, что создавало ряд проблем обработки данных, но оказалось способным продемонстрировать изначально скрытые нюансы.

Доклад М. Стокманс (M. Stokmans, Нидерланды) был посвящен предрасположенности к видам чтения в молодежной среде мигрантов и коренных жителей Нидерландов. Она привела такую информацию: теоретические модели, в которых пол, этническая принадлежность и возраст выступают определяющими факторами, объясняют лишь 10% ее случаев; те, где добавляются предрасположенность к чтению, субъективные нормы и способность читать, описывают 61%. По мнению докладчицы, различия в чтении определяются полом, предрасположенностью к чтению, а также склонностью к чтению близкого окружения (друзей) и связью между этничностью и субъективными нормами родителей. Автор делает вывод, что молодежь в среде мигрантов более подвержена влиянию субъективных норм родителей, чем коренная молодежь.

В блестящем по форме теоретическом выступлении Р. Лэрманса (R. Laermans, Бельгия) "По направлению к новой политической экономике культуры" внимание было сосредоточено на проблематике духовного труда ("immaterial labour"). Докладчик уточнил, что его концепция применима главным образом к деятельности по производству информации. По мнению автора, традиционные подходы в социологии культуры оперируют понятиями "ментальность", "верования", "ценности", "репрезентации" и "интерпретации", в то время как концепции "культурного производства" ориентированы на исследование организационной структуры специализированных центров создания культуры. Основываясь на образе и понятиях постфордистской креативной экономики и малоизвестных работах итальянских авторов, докладчик развивал концепт "духовного труда" специально для понимания сути

глобализирующихся в рамках капитализма когнитивных структур. Основными чертами "духовного труда" выступают: 1) глубоко социальный характер; 2) необходимость мобилизации опыта; 3) самонаправленность, субъективация; 4) ориентированность на ценности.

Необходимо подчеркнуть инновационную и кооперативную направленность такого труда. По мнению докладчика, феномены масс-медиа, индустрии культуры и т.п. не будут поняты вне особых экономических закономерностей, которые в свою очередь испытывают столь огромное влияние культуры, что не могут более рассматриваться отдельно от нее. Однако без ответа остается вопрос: что соединяет, помимо культуры, различные отрасли такой культууроориентированной экономики? Докладчик считает, что это "работа по репрезентации" (Холл), "производство информации и аффектов" (Лазаратто), и (или) "акцент на воспроизводстве индивидуального или общественного внимания" (Фрэнк). С чем бы мы ни имели дело, речь идет о принципиально новой среде, воспроизводящейся посредством "духовного труда" на основе компьютерных технологий, в которой политика и экономика пропитаны разнообразными формами культуры.

Выступление Р. Марады (R. Marada, Чехия) было посвящено кокетству, - это разновидность социального действия между влюбленными, и в то же время - форма культуры. Автор акцентировал вклад Г. Зиммеля в теоретическую разработку этой нетривиальной темы.

Несколько ниже был градус выступлений и дискуссий на сессии по политической культуре, поскольку многие из участников, прислав тезисы, не выступили. Однако их отсутствие было практически не замечено на фоне остро дискуссионного выступления М. Элчардуса (M. Elchardus, Бельгия) и его внушительного обобщения эмпирического и теоретического материала. Доклад Элчардуса "Конфликты в символическом обществе" оказался новой теоретической интерпретацией посттрадиционного общества, основанной на анализе динамики институтов социального контроля. Докладчику удалось объединить многое из звучавшего на секции; поэтому последовавшая дискуссия проходила в режиме переосмысления многими участниками собственных эмпирических данных.

М. Элчардус начал с критического анализа успешных статей классическими теорий общества риска У. Бека и рефлексивной модерности Э.

Гидденса. По его мнению, они слишком умозрительны, не учитывают реальную динамику процесса индивидуализации. Это же относится и к утверждению Ю. Хабермаса о том, что современность – это "рационализация + индивидуализация", которые выступают "процессами-в-себе". М. Фуко заочно ставил под сомнение подобные теории посредством критики оснований модерна, чем подсказал докладчику акценты в его научном поиске.

Согласно Э. Гидденсу традиционное общество характеризуется ритуальными практиками, нерефлексируемой традицией, шаблонной правдой и господством авторитетов во всех областях, короче, "неизмеримой нуждой в индивидуализации и рационализации". У Гидденса в современном обществе индивидуализация занимает почетное место в социальном процессе. У. Бека соотношение «традиционное/современное» общество похоже. Ему очевидно, что в современном обществе автономия индивида ("homo optionis") растет. В это же время традиционные коллективные идентичности - пол, класс и религия - неоперабельны под влиянием "спирали индивидуализации", неуклонно возносящей общество к совокупности множества самостоятельных субъектов. Среди подходов, абсолютизирующих процесс индивидуализации, концепция "игровой идентичности" Э. Баумана. Обращаясь к методологии дискурсивного анализа, М. Элчардус продемонстрировал частичную зависимость языка именитых социальных теоретиков от метафор К. Маркса, в частности, из "Коммунистического манифеста".³ Контраст между традиционным обществом и модерном как "социальными эпохами", по мнению М. Элчардуса, – сигнал многим теоретикам вернуться к переосмыслению базовых концептов. Легитимирующая функция идеи индивида в условиях рыночного капитализма и парламентской демократии – одно из доказательств того, что эта идея обладает глубоким дорефлексивным характером в наших обществах.

По мнению М. Элчардуса, необходимо различить индивидуализм и индивидуализацию. Решения, приписываемые "Я" и самореализация – возможно центральные элементы современной культуры, но они ни в коей мере не основаны на процессе индивидуализации, а базируются скорее на его провале! Еще Г. Зиммель, напомнил М. Элчардус, указывал, что города, "объективируя культуру", уменьшают шансы продемонстрировать индивидуальность, Т. Адорно говорил о том же эффекте, связанным с высоким уровнем стандартизации в массовом потреблении.

Поэтому "бриколаж", как прием дологического мышления (К. Леви-Стросс) не может быть приемом мышления индивида как "полностью свободной индивидуальности", опирающейся на какие угодно объекты в процессе мышления. Именно так индивид эпохи позднего модерна часто мыслится его социальными критиками. Вероятно, корректнее говорить не о бессвязном выборе, а о чувстве творчества, желании сделать нечто уникальное, опираясь на синкретичную комбинацию из доступного "культурного материала". "Если люди привыкли делать уникальные комбинации, они не смогут найти культурные образцы или структуры на уровне популяции", – резюмировал. Элчардус, многозначительно намекая на недостаток объяснительного потенциала современной социальной теории.

Переопределив сущность индивидуальности, докладчик поставил вопрос ребром: "Так что же такое детрадиционализация и существует ли она вообще?" Успокоив утвердительным ответом на вторую часть вопроса, он суммировал сущность детрадионализации: 1) Существенный экономический рост в западных обществах после II мировой войны; 2) Секуляризация в веберовском понимании как приватизация религии, упадок традиционных религиозных институтов особо отмечаемый исследователями после II мировой войны; 3) Кризис традиционных ролей, утрата их самоочевидного характера. "Что лежит в основе детрадионализации?" – последовал второй риторический вопрос. В первую очередь, это изменение типа социального контроля: от основанного на бедности или угрозе нищеты, религиозной вере и этике, авторитете, идеологии и самоочевидной традиции, на привычном ролевом поведении и чувствительности к мнению других к тому, который тесно связан с "Я" индивида. По сути речь о самоконтроле. Он сформирован на основе таких факторов и элементов культуры как знание, компетенция, вкус, взгляды и убеждения, типы поведения, значения. Новый тип социального контроля в большей степени основан не на запретах, как ранее, но на символических видах власти, которые описывали И. Гофман и особенно М. Фуко – в "Надзирать и наказывать". Эти виды власти базируются на мониторинге и коррекции активности индивидов во времени и пространстве, создании и распространении паттернов поведения и типовых образцов самовыражения. Политика становится более зависимой от жизненных стилей. Они, в свою очередь, все еще управляются указаниями извне (например, надписи "Не курить!" в ресторанах и

барах), но в большей степени зависят от индивидуального выбора и значений, которые люди приписывают собственным действиям. Это и есть "символическое общество".

В заключении М. Элчардус выдвинул тезис, что современные конфликты, такие, например, между исламскими мигрантами и коренными европейцами, другие этнические противоречия сводятся к противостоянию типов социального контроля. Доказательством выступает тот факт, что преуспевающие мигранты менее склонны радикализировать этнические и религиозные факторы, играющие очень большую роль в слоях, где доминирует "сильный" тип социального контроля. То, что Э. Гидденс считает последствиями "рефлексивной современности", по мнению М. Элчардуса, не может быть результатом самопознания европейцев, это явная переоценка наших способностей. Рефлексивность, направленность на себя есть результат смены типов социального контроля. Докладчик пояснил, отвечая на вопросы, что всплеск интереса к культуре в общественных науках, в том числе, распространение культуроцентричности в социологических исследованиях обусловлены тем, что в обществе велика роль языковых практик. Здесь трудно, по его мнению, говорить о прогрессе отдельной научной дисциплины. Отвечая на вопрос по поводу связи его работы и публикаций Н. Элиаса по проблеме социального контроля, автор заметил, что они безусловно связаны, но в отличие от Элиаса он говорит об освобождении "Я", в то время как Элиас прослеживал процесс закрепощения "Я", в первую очередь, через контроль аффектов.

В заключение отмечу, что дискуссии на секции были очень оживленными, но лимит времени не всегда позволял участникам привести свои аргументы. К выступавшим было много вопросов, причем и "неудобные". Среди докладчиков были уважаемые профессора и молодые соискатели. Всех выступавших приветствовали аплодисментами, что создавало демократичную и теплую атмосферу работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ На стенде издательства "Sage Publications" для участников конференции был представлен первый номер нового журнала "Cultural Sociology" (март 2007 г., его полнотекстовая версия доступна по <http://cus.sagepub.com>). Главный редактор "Cultural Sociology" Дэвид Инглис (David Inglis) вел одно из заседаний секции.
- ² С тезисами выступлений можно познакомиться в сборнике: ESA Conference 8: Conflict, Citizenship and Civil Society. Abstract Book. Glasgow Caledonian University, University of Strathclyde, 2007. P. 99-115.
- ³ По-видимому, имелось в виду следующее: "Впрочем, они столь мало скрывают реакционный характер своей критики, что их главное обвинение против буржуазии именно в том и состоит, что при ее господстве развивается класс, который взорвет на воздух весь старый общественный порядок" – Маркс К. Коммунистический манифест. Революционно-социалистическая библиотека. <http://www.socialist.nm.ru/lib/index.html>. Речь идет об активном субъекте, в то время как общество – объект, который должен быть разрушен посредством воли субъекта – воли *индивида* или совокупности *индивидуальных* волей.